

DOI: 10.31696/S086919080030544-5

ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
НА ПРИМЕРЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ
АДМИНИСТРАЦИИ ЮН СОК ЁЛЯ И АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР

© 2024

Д.Н. КОЗЛОВА ^а

^а – Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0009-0008-1768-0790; dn.kozlova@gmail.com

Резюме: В статье предпринята попытка анализа трансформации политики Республики Кореи (РК) на Ближнем Востоке в период администрации действующего президента Юн Сок Ёля. Долгое время страны ближневосточного региона оставались за орбитой внимания южнокорейских президентов. Даже после установления дипломатических отношений темпы развития политических связей не успевали за ростом экономического сотрудничества. Но подход Сеула к политике на Ближнем Востоке претерпел существенные изменения уже в XXI в. Представляется, что на данном этапе происходят, во-первых, активизация действий Сеула на данном направлении и существенный рост сотрудничества Южной Кореи со странами региона, в том числе в таких ключевых отраслях, как ядерная энергетика, ВПК, космическая промышленность, водородная энергетика, умное сельское хозяйство. Во-вторых, отмечаются всё более смелые попытки к проведению независимой (от США) внешнеполитической линии РК на Ближнем Востоке. В 2023 г. тезис о «снижении вовлечённости США в дела Ближнего Востока» и «падении влияния США» на страны региона появляется в Белой книге дипломатии РК. Однако с ростом внешнеполитических амбиций становятся очевидны и пределы самостоятельности Сеула на этом направлении, особенно в случаях, когда экономические интересы РК идут вразрез с базовыми принципами политики США. Примером этому служат отношения с Ираком, Ираном и Сирией, а в последний год и с таким традиционным партнером Южной Кореи, как Саудовская Аравия. Возрастает и военная вовлеченность РК в дела региона. Сеул становится всё более активным участником военных миссий коалиций во главе с США. Вопрос о степени участия Сеула в военных инициативах Вашингтона вновь встал перед администрацией президента РК в 2024 г. – после начала операции проамериканской коалиции против хуситов в Красном море.

Ключевые слова: Республика Корея (РК), Саудовская Аравия, международная политика, Юн Сок Ёль, Ближний Восток, дипломатия

Для цитирования: Козлова Д.Н. Политика Республики Кореи на Ближнем Востоке на примере Саудовской Аравии: вызовы для действующей администрации Юн Сок Ёля и американский фактор. *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 157–168. DOI: 10.31696/S086919080030544-5

THE POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE MIDDLE EAST.
CASE OF SAUDI ARABIA: CHALLENGES FOR THE CURRENT
ADMINISTRATION OF YOON SUK YEOL AND THE AMERICAN FACTOR

© 2024

Daria N. KOZLOVA ^a

^a – Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0008-1768-0790; dn.kozlova@gmail.com

Abstract: *The article attempts to analyze the transformation of the Republic of Korea's policy in the Middle East during the administration of the current President Yoon Suk Yeol. First of all, there are substantial indications of the intensification of Seoul's actions in this region and significant increase in cooperation between South Korea and the Middle Eastern countries, including such areas as nuclear energy, military-industrial complex, space industry, hydrogen energy. Secondly, there are increasingly bold attempts made by South Korean administration to pursue an independent (from the United States) foreign policy in the Middle East. In 2023, the thesis about "declining US involvement in the affairs of the Middle East" and "declining US influence" in the Maghreb countries appears in the Diplomatic White Paper. On the other hand, with the growth of Seoul's ambitions, it is becoming clear where exactly the boundaries of the independence of Seoul's policy lie, especially in areas where Korea's economic interests run counter to the basic principles of the US policy, as exemplified by the relations with Iraq, Iran and Syria, and in the last year, with the traditional partner of South Korea – Saudi Arabia. The military involvement of the Republic of Korea in the affairs of the region is also increasing. Seoul is becoming an increasingly active participant in military missions of the US-led coalitions. The question of the extent of Seoul's participation in Washington's military initiatives arose again in 2024, after the start of the operation against the Houthis.*

Keywords: Republic of Korea, Saudi Arabia, international politics, Yoon Suk Yeol, Middle East, diplomacy

For citation: Kozlova D.N. The Policy of the Republic of Korea in the Middle East. Case of Saudi Arabia: Challenges for the Current Administration of Yoon Seok Yeol and the American Factor. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 157–168. DOI: 10.31696/S086919080030544-5

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. внешнеполитическая стратегия Республики Кореи (далее РК) на Ближнем Востоке претерпела значительные изменения. Стремясь укрепить свои позиции на мировой арене, Сеул всё активнее налаживает связи с ближневосточными государствами. В программном документе администрации действующего южнокорейского президента Юн Сок Ёля, определяющем основные принципы политики администрации, поставлена задача превратить РК в «глобальную ключевую державу», способную «расширять лидерство в многосторонней дипломатии в ключевых областях и играть ведущую роль в международном сотрудничестве в сферах мира и безопасности» [Юн Сок Ёль Чонбу 120тэ, 2022, с. 166]. И одним из практических измерений этой внешнеполитической задачи стала политика Сеула на Ближнем Востоке.

В течение первого десятилетия XXI в. «плацдармом» для углубления сотрудничества РК со странами ближневосточного региона были Объединенные Арабские Эмираты (далее

– ОАЭ). Так, знаменитая башня Бурдж Халифа, ставшая символом экономического роста ОАЭ, была построена корпорацией Samsung (2004–2009). В мае 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности [Валиахметова, Мусинова, 2021, с. 331]. Прорывом для политики РК на Ближнем Востоке стал 2009 год, когда консорциум южнокорейских компаний, созданный КЕРСО (Korea Electronic Power Co.), выиграл тендер на развитие ядерной энергетики в ОАЭ на 40 млрд долл. Это стало не только самым крупным в истории РК зарубежным контрактом, но и в принципе первой международной сделкой Сеула по экспорту мирного атома. Также в 2009 г. на территории ОАЭ были дислоцированы южнокорейские силы специального назначения. В Эмираты отправили 1600 южнокорейских военных, из которых было сформировано подразделение «Акх» («брат»).

Вторая страна Ближнего Востока, сотрудничество с которой в XXI в. перешло на уровень стратегического, – это Королевство Саудовская Аравия (далее – КСА). Эр-Рияд стал крупнейшим поставщиком нефти в РК и основным торговым партнером Сеула в регионе. И если сотрудничество РК и ОАЭ в последние годы получило довольно широкое освещение в российской научной литературе [Мелкумян, 2023; Валиахметова, 2021; Волынская, 2021; Хренов, 2018], то стремительно развивающимся отношениям Южной Кореи и Саудовской Аравии было уделено куда меньше внимания. А между тем они представляют большой интерес и с научной, и с практической точки зрения: во-первых, как пример кардинальной трансформации корейской дипломатии на нетрадиционном для РК направлении и новой, более смелой, дипломатии РК, призванной доказать право страны претендовать на статус «глобальной силы»; во-вторых, как область, где кардинальным образом сталкиваются интересы южнокорейского бизнеса и американской большой политики и где Сеул начал предпринимать (пусть и не всегда успешные) попытки проведения независимой от США внешнеполитической линии; и, в-третьих, как сфера потенциальной и уже имеющей место конкуренции между РК и Россией, прежде всего в сфере атомной энергетики и сотрудничества в сфере ВПК. Не говоря уже о том, что КСА – крупнейшая страна Персидского залива, оказывающая всё большее влияние на политику как внутри региона, так и за его пределами.

В рамках данной статьи предлагается осветить следующие аспекты внешней политики РК: дать краткий исторический обзор дипломатии РК на ближневосточном направлении, осветить главные проблемы первоначального этапа установления отношений, проанализировать, как происходило переосмысление роли стран Ближнего Востока в южнокорейской дипломатии уже в XXI в., изучить ключевые направления сотрудничества РК и КСА и основные проблемы, которые стоят на пути углубления этого сотрудничества, проследить, как менялась роль американского фактора в политике РК на Ближнем Востоке в целом и в отношениях с КСА в частности, и проанализировать, насколько независимой может быть внешнеполитическая линия РК на этом направлении.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ РК НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

РК начала устанавливать отношения со странами Ближнего Востока с 1960-х гг. Посольства в большинстве стран региона появились к середине 1980-х гг. В 1962 г. были установлены отношения с Израилем, Саудовской Аравией и Иорданией, в 1974 г. – с Оманом и Катаром, в 1976 г. – с Бахрейном, в 1979 г. – с Кувейтом, в 1980 г. – с ОАЭ и Ливией, в 1981 г. – с Ливаном, в 1985 г. – с Йеменом, в 1989 г. – с Ираком, в 1995 г. – с Египтом [Кукка/Чиёк Чонбо, 2023]. С Сирией и Палестиной дипломатические отношения так и не были установлены.

Впервые на важность развития связей со странами Ближнего Востока указал президент Пак Чон Хи. Этот вопрос стал особенно актуальным в связи с динамичным развитием юж-

нокорейской промышленности, в результате чегократно увеличились потребности страны в энергоносителях. В число первоочередных ближневосточное направление вошло после нефтяного бума 1973 г. и резкого взлета цен на нефть, что значительно ударило по Южной Корее как стране, остро зависимой от нефтяного импорта.

Но развитие политических и даже дипломатических отношений между РК и странами региона в течение десятилетий не успевало за темпами роста экономического сотрудничества. В некоторых странах Ближнего Востока отношения начали развивать корпорации еще до установления официальных дипломатических отношений между странами. Так, например, было с Ираком, который после успеха бескровной революции 17 июля 1968 г. взял курс на расширение связей с СССР и странами социалистического лагеря. Отношения Сеула с Багдадом в то время ограничивались лишь экономическими связями и скорее носили характер бизнес-партнерства. Одним из первых чеболей, получивших доступ к масштабным инфраструктурным проектам в объявившем о своем социалистическом выборе Ираке, была Хёндэ. В 1975 г. компания выиграла тендер на строительство судоверфи в Басре [Ли Мён Бак, 2009, с. 187]. Однако и в сфере бизнеса отношения были нестабильными и неровными (во многом из-за турбулентности в политической сфере, революционных потрясений и войн на Ближнем Востоке и зависимости дипломатии Сеула от базовых принципов политики США). Так, сотрудничество с Ираком было «свёрнуто» после начала ирано-иракской войны (1980–1988) [Ли Мён Бак, 2009, с. 201]. Официальные же дипломатические отношения с Ираком были установлены лишь в 1989 г.

С КСА сотрудничество на первых этапах развивалось продуктивнее. Дипотношения были установлены еще в 1962 г., но и там «локомотивом» были южнокорейские строительные компании, которые преследовали свои коммерческие интересы и выигрывали тендеры, в том числе за счёт более выгодных финансовых условий и относительно дешёвого труда южнокорейских рабочих (с 1974 по 1985 гг. более 1 млн южнокорейских строителей работали по контрактам в странах Ближнего Востока) [Ghafar, 2023]. К 1982 г. доходы южнокорейских строительных компаний в арабских странах обеспечивали около 7% от общего валового национального продукта РК, а контракты южнокорейских компаний в регионе составляли более 90% всех зарубежных контрактов южнокорейского бизнеса на проектирование, закупки и строительство [Levkowitz, 2010].

Тем не менее вплоть до XXI в. чётко выработанная согласованная стратегия РК на ближневосточном направлении фактически отсутствовала. За весь XX в. состоялась лишь одна поездка южнокорейского лидера на Ближний Восток (Чхве Гю Ха в 1980 г. посетил КСА и Кувейт). Сотрудничество сводилось, с одной стороны, к контрактам для южнокорейских строительных компаний на быстро растущем рынке Ближнего Востока, с другой стороны – к поставкам энергоносителей в РК. Действия самого южнокорейского правительства носили скорее ситуативный характер и являлись ответом на уже возникающие вызовы. Первоначальная задача Сеула на этом направлении состояла в том, чтобы за счет направления рабочей силы в страны Ближнего Востока обеспечить приток валюты в страну, а также повысить уровень доходов работников, направлявшихся в качестве гастарбайтеров, и их родственников, как это было ранее, когда несколько тысяч южнокорейских горняков и медсестер ездили на заработки в Германию. Южная Корея в данном случае придерживалась стратегии, типичной для слаборазвитой страны¹¹, к тому же, бедной природными ресурсами. Но такой подход к политике на Ближнем Востоке претерпел существенные изменения уже в последние два–три десятилетия, когда после достижения РК уровня раз-

¹¹¹ В 1960-е гг. РК была одной из беднейших стран региона. В 1979 г. (в год смерти «архитектора» южнокорейского чуда Пак Чон Хи, при котором экономика страны в среднем росла на 10 % в год) ВВП РК на душу населения составлял лишь 1784 долл. США.

витой страны (в 1996 г. Южная Корея вошла в ОЭСР) перед страной встали новые, в том числе глобальные, задачи и вызовы.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РК

На рубеже XX–XXI в. ошутимо возрос интерес южнокорейских историков к изучению стран Арабского мира. Вышла серия публикаций южнокорейских специалистов об исторической преемственности отношений Корейского полуострова и Ближнего Востока. Так, подчеркивается, что история связей государств Корейского полуострова со странами региона насчитывает полторы тысячи лет: упоминаются торговля корейских государств эпохи Самгук (I–VI вв.) с арабскими странами [Young-pil Kwon, 2009], находки персидских артефактов эпохи Государства Сасанидов (III–VII вв.) в гробницах в Кёнджу [Schopf, 2019], первые поселения на Корейском полуострове мусульман, которые бежали от преследований из Омейядского халифата (661–750) в государство Силла. Приводятся и ссылки на более ранние исторические источники, которые подтверждают факт наличия торговых и иных отношений между этими регионами, в том числе ссылки на трактат мусульманского географа Ибн Хордадбега «Книгу путей и стран» (IX в.) [Hee Soo Lee, 2014].

Появление этих исторических эпизодов в политической сфере, научно-популярной литературе и журналистских публикациях в РК уже в XXI в. шло в общем контексте с государственной и культурной политикой президентов РК, направленной на то, чтобы показать историческую преемственность отношений Кореи и стран арабского мира и преодолеть распространённые в южнокорейском обществе предубеждения. Кроме того, сам по себе факт переосмысления истории отношений РК с арабскими странами в последние десятилетия явно свидетельствует о возросшем внимании Сеула к этому региону, переосмыслении значения этого направления и осознании необходимости выработки комплексной внешнеполитической стратегии в этом регионе.

С приходом к власти Но Му Хёна (2003–2008) идет активизация контактов на высшем и высоком уровнях, в период президентства Ли Мён Бака (2008–2013) отношения со странами региона, в первую очередь с ОАЭ, начинают выходить на уровень стратегического сотрудничества (с контрактом на строительство АЭС Барака и направлением военного контингента в страну). При Пак Кын Хе (2013–2017) и Мун Чжэ Ине (2017–2022) происходит кратное наращивание сотрудничества в сфере ВПК. Тенденция к усилению присутствия РК в регионе продолжилась и при администрации действующего президента Юн Сок Ёля. Возрастают и влияние США на определяющие параметры политики Сеула в ближневосточном регионе, и возможность потенциального конфликта не только с экономическими, но и с военно-техническими, научно-техническими, а также политическими интересами России. Показательными в этом плане являются отношения РК с КСА, которая является крупнейшим поставщиком нефти в РК и основным торговым партнером Сеула в регионе.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ЮН СОК ЁЛЯ

Согласно национальной стратегии безопасности Юн Сок Ёля, Сеул работает над тем, чтобы утвердиться в качестве основного партнера стран Ближнего Востока не только в традиционных областях, таких, как энергетика и инфраструктура, но и в «новых областях роста»: это ядерная энергетика, водород, космос, здравоохранение и умное сельское хозяйство [Юн Сок Ёль Чонбуэ Кукка Анбо Чоляк, 2022, с. 43–44]. Вновь в планах правительства и документах МИД возникает и упоминание «второго ближневосточного бума», о котором стали говорить еще во время правления Пак Кын Хе (под «первым бумом» подразумевался

период установления дипотношений со странами региона во время администрации Пак Чон Хи). Нашло отражение ближневосточное направление и в основных целях МИД РК, опубликованных в ноябре 2023 г.: особое внимание здесь уделено продвижению «взаимовыгодных» (맞춤형) проектов сотрудничества со странами Ближнего Востока [2023 *Вэгёбу*, 2023, с. 5].

Сотрудничество РК и КСА и в политической, и в экономической сферах последние годы шло по восходящей. Президент Но Му Хен (2003–2008) стал первым лидером РК, который посетил КСА с 1980 г. (тогда на переговоры в Эр-Рияд прилетал Чхве Гю Ха). С тех пор все последующие южнокорейские лидеры считали своим долгом включить Эр-Рияд в программу ближневосточных турне. В феврале 2012 г., в год 50-летия установления дипотношений, было подписано соглашение о расширении сотрудничества и распространении его на такие сферы, как ВПК, информационные технологии, медицина и возобновляемые источники энергии [2013 *Вэгё пэксо ёнмун*, 2013]. С 2015 г. началось сотрудничество в сфере мирного атома, было подписано соглашение о строительстве в королевстве двух корейских реакторов типа SMART (System-integrated Modular Advanced Reactor) с расчетным сроком службы 60 лет. В октябре 2017 г. в рамках развития стратегического партнерства КСА и РК был подписан меморандум о взаимопонимании, получивший название «Саудовско-корейское видение 2030», которое является частью национального плана «Видение Саудовской Аравии 2030». В 2018 г. в Сеуле была заключена сделка на 6 млрд долл. между Saudi Aramco и корейской фирмой S-Oil о строительстве нефтеперерабатывающего завода и нефтехимических предприятий в Южной Корее. В марте 2022 г. с официальным визитом Сеул посетил наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед Бин Салман. По итогам переговоров были подписаны соглашения о сотрудничестве и инвестициях в области космических технологий, энергетики, инфраструктуры и мегапроекта NEOM на сумму 30 млрд долл. Визит на высшем уровне совпал и с корейско-саудовским инвестиционным форумом, на котором были подписаны 26 соглашений о сотрудничестве в проектах чистой энергетики, транспорта, жилищного строительства и строительства в городе NEOM. В частности, КЕРКО подписала соглашение на 6,5 млрд долл. о строительстве и эксплуатации завода по производству водорода и аммиака в КСА. В октябре 2023 г. в ходе визита Юн Сок Ёля в КСА был подписан 51 контракт и меморандум о взаимопонимании на общую сумму 15,6 млрд долл. [Bae Ji-hyun, 2023].

Тем не менее, несмотря на столь обширное экономическое сотрудничество, существуют определенные преграды в развитии связей РК и КСА. В конце 2023 г. камнем преткновения в отношениях государств стало голосование по вопросу о проведении международной выставки EXPO: в числе основных претендентов и конкурентов на статус города-хозяина выставки были Пусан и Эр-Рияд. Для правительства Юн Сок Ёля этот вопрос, судя по публичной дипломатии, стал принципиальным: вопросом статуса страны и успешности политики действующего руководства. Проведение этой выставки было внесено в число основных задач действующего правительства [Юн Сок Ёль Чонбу 120тэ, 2022, с. 169]. Южнокорейский президент встретился с главами 96 государств и лично призывал голосовать за Пусан. Но, несмотря на все усилия, Пусан проиграл, и с довольно сокрушительным результатом: 119 голосов были отданы за Эр-Рияд и 29 – за Пусан. В связи с таким исходом голосования Юн Сок Ёль принес первые публичные извинения на посту главы государства. Последствия же этого поражения были не только имиджевыми, но и политическими. В оппозиционной Демократической партии обвинили Юн Сок Ёля в чрезмерном внимании к трёхстороннему сотрудничеству Вашингтон–Сеул–Токио, что не позволило ему привлечь на свою сторону представителей других стран [Хван Ин Сон, 2023]. Точка зрения о том, что «помимо некоторых встреч и сделок по оружию, его (Юн Сок Ёля) дипломатическое

внимание в основном сосредоточено на Вашингтоне и Токио», стала высказываться и в прессе. А дипломатия Юн Сок Ёля была названа «недостаточно инклюзивной» и даже «вызывающей изоляцию» [О Су Хи, 2023]. Стали появляться вопросы также к успешности политики Сеула в Африке (где сильные позиции занял Китай) и к перспективам дальнейших отношений с Пекином в условиях, когда главная ставка была сделана на США [Хван Ин Сон, 2023]. В итоге провальное голосование по ЭКСПО закончилось для Юн Сок Ёля публичным пересмотром продуктивности всей внешнеполитической стратегии действующего правительства.

Были последствия и для отношений непосредственно РК и КСА. Во-первых, показательно, что такое голосование произошло сразу после визита Юн Сок Ёля в КСА, в ходе которого лидеры, как казалось, достигли взаимопонимания. Во-вторых, уже в ходе обсуждения причин поражения заявки Пусана в южнокорейских правительственных кругах стали делать заявления об «агрессивных переговорах Саудовской Аравии с привлечением нефтяных денег», говорить о давлении, с которым, якобы, сталкивались страны, которые планировали голосовать за Сеул [Пак Кван Ён, 2023]. Так или иначе, противоречия между двумя странами начали накаляться, и этот фактор стал влиять уже и на другие сферы, в том числе сотрудничество в сфере мирного атома. Но здесь весомым фактором и для РК, и КСА стала позиция США.

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РК НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Политика РК и в ближневосточном регионе по большей части остается зависимой от интересов США. Об этом говорит, в частности, и выбор основных торговых, экономических и дипломатических партнеров РК. Показательно, что ни с Палестиной, ни с Сирией РК так и не установила официальных дипломатических отношений. Было практически свернуто и сотрудничество Сеула с Ираком во время правления Саддама Хуссейна. А в апреле 2003 г., несмотря на масштабные антивоенные протесты в РК, Национальная Ассамблея под очевидным давлением президента Но Му Хена поддержала решение направить южнокорейских военнослужащих в Ирак. Было открыто заявлено, что это решение «скорее вынужденное, чем принципиальное» и отправка войск необходима в знак уважения к «долгому и дружественному союзу с США» [Юн Нын Хо, 2003]. Такой же политический сценарий вновь повторился уже в 2014 г., когда РК стала членом антиигиловской коалиции во главе с США. И хотя участие Сеула было минимальным²², тогда были фактически сведены на нет усилия, предпринимаемые Сеулом с конца XX в. для выхода на сирийский рынок. Аналогичная ситуация – и в отношениях с Ираном. Динамика сотрудничества Сеула с Исламской Республикой полностью определялась ослаблением или усилением американских санкций в отношении Тегерана.

В случае с КСА тесные связи РК с США долгое время имели положительный эффект для наращивания сотрудничества Сеула с Эр-Риядом, трудности стали появляться в последние годы. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что КСА даже после контракта на два реактора SMART и успешного запуска трёх из четырёх блоков АЭС «Барака» в ОАЭ не спешит расширять сотрудничество с РК в сфере мирного атома и скорее всего не отдаст южнокорейскому консорциуму право на возведение первой АЭС в КСА [Ghafar, 2023]. Заявку на участие в тендере также подали Китай, Франция и Россия. И тесные связи Сеула

²² 2222 РК не принимала прямого участия в военных действиях на территории Сирии. Страна поставляла гуманитарную помощь, направляла финансирование международным организациям для оказания помощи беженцам, также участвовала в международных инициативах по пресечению каналов переправки боевиков.

с Вашингтоном в случае с КСА, похоже, играют не в пользу РК. По данным Wall Street Journal, Вашингтон ставит слишком жёсткие условия для Эр-Рияда в сфере мирного атома: США требуют гарантий, что КСА не будет заниматься обогащением урана и разрабатывать собственные месторождения урана. И гипотетически в случае, если КСА пойдет на сотрудничество с Сеулом в этой сфере и отдаст тендер на строительство первой в королевстве атомной станции корейскому консорциуму KEPSCO, Эр-Рияд будет вынужден пойти и на невыгодные для него американские условия по контролю над нераспространением, что априори делает заявку РК менее выгодной [Said, Hua, Nissenbaum, 2023]. Есть и другое ограничение в сфере атомных технологий, которое накладывают на РК ее тесные отношения с США, – техническое. Для разработки южнокорейской модели ядерных реакторов, используются американские технологии. Поэтому прежде, чем экспортировать технологии мирного атома, РК должна получить одобрение исполнительных и законодательных властей США, а также должна выплачивать солидные роялти за использование американских технологий. И, как отмечают в самой компании Korea Hydro & Nuclear Power, «если США не ослабят требования, для Южной Кореи может оказаться невозможным экспорт ядерных реакторов в Саудовскую Аравию» [Zi-Hoon Lee, So-Hyeon Kim, 2022]. Это ставит под угрозу и весь долгосрочный план президента Юн Сок Ёля, провозгласившего цель «экспортировать» (заключить соглашения о строительстве) к 2030 г. десять АЭС.

В то же время можно вспомнить методы, которые уже применяли южнокорейские власти для того, чтобы зайти на новые рынки и, в частности, получить контракты на возведение АЭС. Получение тендера на строительство первой АЭС в ОАЭ в итоге привело к судебному разбирательству уже в самой РК. Как отмечалось выше, в 2009 г. консорциум южнокорейских компаний, созданный KEPSCO (Korea Electronic Power Co.), выиграл тендер на развитие ядерной энергетики в ОАЭ на 40 млрд долл. В борьбе за тендер Сеул задействовал политические и дипломатические рычаги. На заключительном этапе в переговоры вступил президент Ли Мён Бак, прилетевший с визитом в ОАЭ. Впрочем, как именно и благодаря чему РК получила этот контракт, выяснилось уже после окончания срока правления Ли Мёна Бака. В ходе расследования деятельности экс-президента стало известно о существовании секретного военного пакта, который предусматривал непосредственное военное вмешательство Сеула (в обход предусмотренных конституцией РК прерогатив Национальной Ассамблеи страны) в случае возникновения кризиса в ОАЭ. Существование этого секретного пакта, пункт об отсутствии необходимости согласования с парламентом и прямую связь этого соглашения с решением руководства ОАЭ о победе в тендере позже, уже в ходе расследования, подтвердил министр обороны Ким Тэ Ён. Договорённости, предполагающие такой уровень военного сотрудничества, до этого власти Южной Кореи заключали лишь с США.

Помимо методов работы Сеула на внешних рынках, нельзя не учитывать и всё усиливающуюся в Южной Корее тенденцию к более независимым (от США) действиям на Ближнем Востоке. Так, в академической среде РК уже довольно давно высказывается точка зрения о потере доминирующего положения США в этом регионе после войн в Ираке и Афганистане и о постепенном переходе к многополярной системе, в которой у РК появляется больше пространства для маневра, чтобы «отойти от близорукой азиатской точки зрения и расширить своё влияние на глобальный уровень» [Kyung Suk Lee, 2016]. В 2023 г. тезис о «снижении вовлеченности США в дела Ближнего Востока» и «падении влияния США» на страны региона появляется в Белой книге дипломатии Министерства иностранных дел РК [2023 *Взгё пэксё ёнмун*, 2023, с. 10, 23].

Практическим выражением этой линии стало, в том числе сотрудничество с КСА в сфере ВПК. Это еще одна сфера пересечения интересов РК и России в регионе. РК офи-

циально еще в 2005 г. поставила план приблизиться к показателям ведущих стран-экспортеров оружия (цель – четвертое место после США, России и Франции) и вступила в жесткую конкуренцию за рынки поставок [Кукиан Кэхёк, 2005]. В случае с КСА наращивание поставок южнокорейского оружия подстегнули санкции США. В октябре 2022 г. США запретили поставки наступательного вооружения в КСА. Решение было принято после того, как КСА вместе с Россией и другими нефтедобывающими странами пошла на сокращение добычи нефти. В Сенате США тогда заявили, что такая политика Эр-Рияда равносильна поддержке спецоперации России на Украине [Harris, 2022]. И Южная Корея воспользовалась этой ситуацией для наращивания поставок продукции своего ВПК в КСА. Южнокорейские Hanwha, Poongsan и LIG Nex1 заключили сделки с КСА на общую сумму около 1 млрд долл. на поставку систем залпового огня, боеприпасов и электрооптических систем, а Hyundai Heavy Industries подписала соглашение с базирующейся в КСА компанией International Maritime Industries о совместной тендерной программе на сумму 2,5 млрд долл. по постройке пяти фрегатов [Bae Ji-hyun, 2023]. В феврале 2024 г. южнокорейская LIG Nex1 Co. заключила сделку на сумму 3,2 млрд долл. на экспорт в КСА своей новейшей зенитной ракеты KM-SAM «земля–воздух» под названием Cheongung II (на кор. «небесный лук»).

В то же время вместе с ростом внешнеполитических амбиций РК и расширением её присутствия в странах Ближнего Востока более чёткие очертания приобретают и пределы независимости политики Сеула. Они неоднократно уже были продемонстрированы в Ираке, Сирии и Иране. Военный союз с США требует от РК всё чаще становиться участником военных миссий, которые не имеют никакого отношения к безопасности Сеула. В 2024 г. с началом операции коалиции, возглавляемой США, против хуситов остро встал вопрос о задействовании подразделения южнокорейских ВМС «Чхонхэ», которое было развернуто в Аденском заливе в 2009 г. для обеспечения безопасности судоходства. Пока южнокорейское правительство, заявив формально о поддержке коалиции США, не готово пойти на открытое участие в этом конфликте, даже если речь идет об обеспечительных и логистических функциях. Но, как и в 2003 и 2014 гг., Сеулу, похоже, вновь придётся выбирать между своими экономическими интересами и риском испортить отношения с партнёрами в регионе, с одной стороны, и «союзническим долгом» перед США, с другой.

Есть и другая сторона – меньшая предсказуемость и надёжность РК как партнера и конкурента, так как политика Сеула, в том числе и экономическая, зачастую оказывается продиктована внешними сторонними факторами (как это произошло с заморозкой активов Ирана на 6 млрд долл.). Это напрямую влияет, в том числе на конкурентоспособность Южной Кореи в вопросах поставок продукции ВПК и сотрудничества в сфере атомной энергетики. «Самостоятельность» оказывается возможна лишь там, где она не противоречит стратегическим интересам США, и до тех пор, пока этот вопрос не становится принципиальным для военного альянса РК–США. И участие РК в операциях проамериканской коалиции (пусть и часто только формальное) в арабских странах отражает новое видение внешнеполитической стратегии РК, где, как было заявлено на саммите США–РК–Япония в августе 2023 г., «стратегическим» является весь Индо-Тихоокеанский регион [The Spirit of Camp David, 2023]. Соответственно политика и на этом направлении будет определяться, исходя из новой архитектуры безопасности в том виде, в каком она была представлена на встрече в Кэмп-Дэвиде, и в зависимости от ключевых стратегических интересов США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, политика РК в отношении арабских стран Ближнего Востока прошла несколько этапов. Вначале она диктовалась исключительно антикоммунистическими и

экономическими интересами, т. к. Южной Корее в первые годы своего существования, а также до начала 1960-х гг. было нечего предложить странам региона ни в плане экспорта, ни в плане импорта. После военного переворота 1961 г. РК постепенно начала движение в сторону индустриализации, для чего требовались не только мобилизация внутренних ресурсов, но и привлечение иностранных инвестиций. Привлекать зарубежный капитал на том этапе было сложно. И одной из эффективных стратегий стал экспорт рабочей силы, а также получение заказов на строительные работы в дружественных США странах. Эта тактика позволила обеспечить приток в РК валюты. Одновременно решалась также задача роста опыта и капитализации южнокорейских строительных фирм, которые, с одной стороны, являлись структурными единицами чеболей и обеспечивали поступление капитала в отрасли экономики РК, а, с другой стороны, сами становились крупными, имеющими международный авторитет строительными компаниями, которые могли выигрывать тендеры на масштабные строительные проекты, как, например, строительство морского порта или нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий. Кроме того, выполнение строительных работ в странах Ближнего Востока позволило договориться о поставках нефти для растущего энерго- и нефтехимического комплекса РК.

С быстрым переходом Южной Кореи в число развитых стран принципиально изменились и внешнеполитические цели и задачи страны, в том числе на новых для Сеула направлениях. Сначала в рамках своей Новой южной политики Сеул приступил к усилению присутствия в Юго-Восточной Азии, откуда сумел вытеснить Японию в качестве главного торгового партнера и инвестора. Такая же попытка была предпринята в рамках так называемой Новой северной политики в странах Центральной Азии. Теперь аналогичная, уже испытанная, стратегия предпринимается и в регионе Ближнего Востока. И РК уже преуспела в получении заказов на многие высокотехнологичные проекты стоимостью в десятки миллиардов долларов, как, например, строительство АЭС в ОАЭ или участие в строительстве нового высокоэкологичного и высокотехнологичного города NEOM в КСА.

Более того, на текущем этапе своей политики РК уже не ограничивается чисто экономическим сотрудничеством, а стремится к развитию тесных связей в таких сферах, как космическая промышленность, ВПК, биомедицина, культура и сфера безопасности. С этой точки зрения, южнокорейские компании, широко используя политическую поддержку, начинают выступать в качестве конкурента России в этих сферах. При этом представляется, что слишком напористая экспансионистская политика может потенциально оказывать негативное, лимитирующее, влияние на возможности Сеула. Также необходимо учитывать и влияние США на определяющие параметры политики Сеула в ближневосточном регионе. Политика РК не всегда продиктована национальными экономическими интересами страны, что усложняет её прогнозирование. Лидеры Южной Кореи в своих решениях зачастую становятся заложниками политики США. И эти тенденции особо ярко проявились в ходе президентского срока нынешнего главы РК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Валиахметова Г.Н., Мусинова И.А. Отношения между Республикой Корея и ОАЭ в последней четверти XX – XXI веках: от экономического взаимодействия к особому стратегическому партнерству. *Научный диалог*. 2021. № 5. С. 327–337 [Valiakhmetova G.N., Musinova I.A. Relations between Republic of Korea and United Arab Emirates in Last Quarter of XX–XXI Centuries: from Economic Interaction to Special Strategic Partnership. *Nauchnyi dialog (=Academic Dialogue)*. 2021. No. 5. Pp. 327–337 (in Russian)].

Волынская Е.А. Стратегическое партнерство Республики Корея и ОАЭ на примере атомной энергетики. *Актуальные вопросы региональных и международных исследований*. Материалы VIII регио-

нальной студенческой научно-практической конференции на иностранных языках с международным участием. Новосибирск, 2021. С. 209–211 [Volynskaya E.A. Strategic Partnership of the Republic of Korea and the UAE Based on the Example of Nuclear Energy. *Current Issues of Regional and International Studies. Materials of the 8th Regional Student Academic and Practical Conference in Foreign Languages with International Participation*. Novosibirsk, 2021. Pp. 209–211 (in Russian)].

Ли Мён Бак. *Чудес не бывает*. Сеул: Ewhan, 2009 [Lee Myung-bak. *Miracles Do Not Happen*. Seoul: Ewhan, 2009 (in Russian)].

Мелкумян Е.С. ОАЭ и Республика Корея: нетрадиционные партнеры. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 5. С. 80–89 [Melkumyan E.S. United Arab Emirates and South Korea: Non-Traditional Partners. *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67. No. 5. Pp. 80–89 (in Russian)].

Хренов В.В., Ситников В.В. Влияние внешнеполитических факторов на энергетическое сотрудничество Республики Корея и стран Персидского залива. *Уральское востоковедение*. 2018. № 8. С. 144–150 [Khrenov V.V., Sitnikov V.V. The Impact of Foreign Policy Factors on Energy Cooperation between the Republic of Korea and the Persian Gulf States. *Ural Survey of Oriental Studies*. 2018. No. 8. Pp. 144–150 (in Russian)].

2013 Вэгё пэксо ёнмун (2013 외교백서 영문; Белая книга дипломатии, 2013) Тэханмингук вэгёбу, 2013 (대한민국 외교부; МИД Республики Корея, 2013) [Diplomatic White Paper. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, 2013 (in Korean)]. https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=file_20151224145523085_0&rs=/viewer/result/202401 (accessed: 26.02.2024).

2023 Вэгё пэксо ёнмун (2023 외교백서 영문; Белая книга дипломатии, 2023) Тэханмингук вэгёбу, 2023 (대한민국 외교부; МИД Республики Корея, 2023) [Diplomatic White Paper. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, 2023 (in Korean)]. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do (accessed: 25.02.2024).

2023 Вэгёбу Чүё Омму Чхучжисин кехвек – таси ттвинын кугиг вэгё: гыллоболь чунчху куккарыль хянхаё (2023 외교부 주요업무 추진계획 – 다시 뛰는 국익 외교: 글로벌 중추국가를 향하여; План реализации основных задач Министерства иностранных дел на 2023 г. – возрождение дипломатии национальных интересов: на пути к превращению в ключевую страну мира). Тэханмингук вэгёбу, 2023 (대한민국 외교부; МИД Республики Корея, 2023) [Plan for the Implementation of the Main Tasks of the Ministry of Foreign Affairs for 2023 – Revival of the Diplomacy of National Interests: On the Way to Becoming a Key Global Power. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, 2023 (in Korean)]. <http://surl.li/iulizu> (accessed: 15.02.2024).

Кукка/Чиёк Чонбо (국가/지역정보; Информация по странам и регионам). Тэханмингук вэгёбу (대한민국 외교부; МИД РК) [Information on Countries/Regions. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea (in Korean)]. <http://surl.li/jfwbu> (accessed: 18.03.2024).

Кукпан Кэхёк 2020 (국방개혁 2020; План оборонной реформы 2020). Хэнчжон Анчжонбу Кукка Кироквон (행정안전부 국가기록원; Национальный архив Министерства внутренних дел и безопасности Республики Корея). 2005 [Defense Reform Plan 2020. 2005 (in Korean)]. <https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=006318&sitePage=> (accessed: 15.03.2024).

О Су Хи. Нычжисин ючхижжон виси чолляк пучжэ... Пусан чончхиквон, експхо мусан конбан (오수희. 늦은 유치전 vs 전략부재... 부산 정치권, 엑스포 무산 공방; О Су Хи. Поздний старт против отсутствия стратегии. Политические круги Пусана о провале заявки на Экспо). *Ёнхан Ньюсы*. 30.11.2023 (연합뉴스, *Pёнхан Ньюс*) [O Su Hee. Late Start vs. Lack of Strategy... Busan Political Circles about Expo Cancellation Battle. (in Korean)]. <https://www.yna.co.kr/view/AKR20231130119900051> (accessed: 31.10.2024).

Пак Кван Ён. Пусан Экспо ючхи сильпхэнын “Сауди вангвон канхва ва кымчон тупхё” тхат? (박광연. 부산엑스포 유치 실패는 “사우디 왕권 강화와 금전 투표” 탓?; Пак Кван Ён. Связан ли провал заявки Пусана на ЭКСПО с «усилением королевской власти в Саудовской Аравии и денежным голосованием?»). *Кёнхян Синмун*, 29.11.2023 (경향신문; *Кёнхян Синмун*) [Park Kwang Yon. Is the Failure of Busan's Expo Bid Related to the “Increasing Royal Power in Saudi Arabia and Money Voting”? (in Korean)]. <https://www.khan.co.kr/politics/politics-general/article/202311290315001> (accessed: 26.12.2023).

Хван Ин Сон. Экспо тхалляк, чхунгёги 29 пхё... Ким Дугван «вэгё пэродаим паквоя» (황인성. 엑스포 탈락, 충격의 29표... 김두관 «외교 패러다임 바뀌어»; Хван Ин Сон. ЭКСПО не будет, шокирующие 29 голосов... Ким Ду Кван: «Нам нужно изменить дипломатическую парадигму»). *Nate News*. 29.11.2023 [Hwang In Seong. There will be no EXPO, shocking 29 votes... Kim Doo-kwan:

“We need to change the diplomatic paradigm”. (in Korean)]. <https://news.nate.com/view/20231129n15232?mid=n1101> (accessed: 17.12.2023).

Юн Нын Хо. Но Му Хён тэтхонён Кукхве Кукчон ёнсол Иракхы Пхабён Пульгапхихан Кёльчон (윤능호. 노무현 대통령 국회 국정연설 이라크 파병 불가피한 결정; Юн Нын Хо. Послание президента Но Му Хена о положении страны перед Национальной ассамблеей, неизбежное решение об отправке войск в Ирак). *MBC News*. 02.04.2003 [Yoon Neung Ho. President Roh Moo-hyun's Address to the National Assembly on the Situation of the Country, the Imminent Decision to Send Troops to Iraq (in Korean)]. https://imnews.imbc.com/replay/2003/nwdesk/article/1902442_30767.html (accessed: 25.03.2024).

Юн Сок Ёль Чонбу 120тэ кукчон квачжэ (윤석열 정부 120대 국정 과제; 120 задач Правительства Юн Сок Ёля). Тэтхонёнёнсьиль, 2022 (대통령실; Администрация президента Республики Корея, 2022) [*120 National Tasks of Yoon Suk Yeol Administration*. The Administration of the President of the Republic of Korea (in Korean)]. https://www.president.go.kr/affairs/gov_project (accessed: 15.12.2023).

Юн Сок Ёль Чонбуэ Кукка Анбо Чолляк (윤석열 정부의 국가안보전략; Государственная национальная стратегия безопасности Администрации Юн Сок Ёля). Тэтхонёнёнсьиль, 2022 (대통령실; Администрация президента Республики Корея, 2022) [*The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy* (in Korean)]. <https://www.president.go.kr/download/648bbeff9b00b> (accessed: 17.12.2023).

Bae Ji-hyun. S. Korea Discusses Arms Exports to Saudi Arabia, discloses cooperation on large-scale air defense system. *Hankyoreh*, 24.10.2023. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1113426.html (accessed: 26.02.2024).

Ghafar A.A. South Korea and GCC States: A Growing Partnership. *Middle East Council on Global Affairs*. 23.08.2023. <https://mecouncil.org/publication/south-korea-and-gcc-states-a-growing-partnership/> (accessed: 17.12.2023).

Hee Soo Lee. 1500 years of Contact between Korea and the Middle East. *Middle East Institute*. 07.06.2014. <https://www.mei.edu/publications/1500-years-contact-between-korea-and-middle-east> (accessed: 25.12.2023).

Kyung Suk Lee. New Approach of South Korea's Middle Power Diplomacy: Focusing on Global Agenda Setting. *Global Politics Review*. October 2016. Vol. 2. No. 2. Pp. 40–57.

Levkowitz A. The Republic of Korea and the Middle East: Economics, Diplomacy, and Security. *Korea Economic Institute Academic Paper Series*. August 2010. Vol. 6. No. 5. Pp. 1–10.

Said S., Hua S., Nissenbaum D. Saudi Arabia Eyes Chinese Bid for Nuclear Plant. *The Wall Street Journal*. 25.08.2023. <https://www.wsj.com/world/middle-east/saudi-arabia-eyes-chinese-bid-for-nuclear-plant-e4a56f> (accessed: 26.02.2024)

Schopf J.C. An Explanation for Immigration, Trade and the Dissemination of Political and Religious Ideology along the Silk Roads to Korea. *Keimyung University*. 2019. https://www.censakmu.org/sub01/sub01_7.php (accessed: 29.03.2024).

The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. *The White House*. 18.08.2023. <http://surl.li/wbjwua> (accessed: 28.02.2024).

Young-pil Kwon. West Asia and Ancient Korean Culture: Revisiting the Silk Road from an Art History Perspective. *The International Journal of Korean Art and Archaeology*. March 2009. No. 3. Pp. 152–169.

Zi-Hoon Lee, So-Hyeon Kim. S. Korea to Bid for Saudi Arabia's \$10 bn Nuclear Plant Order. *The Korea Economic Daily*. 31.05.2022. <https://www.kedglobal.com/energy/newsView/ked202205310016> (accessed: 28.02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЗЛОВА Дарья Николаевна – аспирант
Института Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия.

Daria N. KOZLOVA, Post-graduate student,
Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.